

ОТВЕРЖЕННЫЕ И РАВНОДУШНЫЕ: ДИСКУРСИВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДИСТАНЦИЙ В СЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВЕ

А.С. Бреславский

В статье проанализированы процессы социального дистанцирования и социального исключения в сельском поселении в 1990-х — начале 2000-х годов, в результате которых внутри обозначенного «деревенского» сообщества (пос. Баргузин) образовался своего рода анклав бедности и криминала («Шанхай»). Автор рассматривает основания социального и культурного дистанцирования, оставляя в фокусе своего внимания детей, проживающих в «исключенном» микрорайоне; описывает детские практики, специфические для данного места; анализирует местный габитус. Особая роль отводится дискурсивному производству значений о Шанхае, которые как показывает исследование, не только конституируют «обобщительно-ложные» представления о микрорайоне, но и формируют систему социальных взаимодействий, разобщающих сообщество. В заключительной части статьи анализируется дискурсивное поле местной социальной политики, автор выявляет существующие артикуляции бытовых и институциональных дискурсов.

Ключевые слова: социокультурное дистанцирование, социальное исключение (эксклюзия), дети, дискурс, социальное, физическое пространство, сообщество

Статья посвящена изучению дискурсивного поля социальной политики, формирующегося на микроуровне — в местных СМИ,

Исследование выполнено при поддержке Фонда им. Генриха Бёлля (Московское представительство), авторский проект Дети «Шанхая»: в пространстве социального отчуждения (2007–2008). Автор благодарит анонимного рецензента журнала за ценные замечания по доработке статьи.

в нарративах жителей небольшого поселения, сельской администрации. Предмет исследования — выстраивание социокультурной дистанции и реализуемые на основе этого дистанцирования дискриминационные практики. В статье речь пойдет о сельском микрорайоне «Шанхай» (пос. Баргузин, Республика Бурятия, Россия), конкретнее — о проживающих на его территории детях¹. «Шанхай» в Баргузине — территория деревянных двухэтажных домов. Дискурсивно для «основной» части жителей села современный Шанхай («двухэтажки») — это непрекращающееся пьянство, воровство, проституция, беспризорники и наркомания («бичёвник», «бомжатник», «помойка» и прочее). Большая часть жителей Шанхая — безработные. Немногие имеют постоянное место работы, регулярный доход. Чаще всего это низкий заработок, не соотносимый с «нормальным» уровнем социального благосостояния. Обеспечить себя всем необходимым (электричеством, «дровами», питанием, лекарствами, одеждой) удастся явно не многим. Сельская администрация, сообщество местных жителей в отношении социальной обстановки в Шанхае (проживающих там детей) проявляют в общем умеренную инициативу. При этом сами жители Шанхая также не проводят открытой протестной деятельности, не борются за свои социальные права.

В рамках данного исследования мы намеренно фокусировали свое внимание на детях Шанхая, потому как именно они в обозначенном пространстве социальной эксклюзии (социального исключения) казались наиболее незащищенными, имея наименьшие ресурсы для изменения условий своего существования. Мы старались понять, как выстраивались и выстраиваются социокультурные дистанции между обществом и «исключенными» из него жителями (детьми) Шанхая, как это дистанцирование проявляется, закрепляется на уровне повседневности, в публичном пространстве села, в социальной политике местной власти, в практиках соцзащиты, в СМИ.

Исследование проводилось в июне-августе 2007 года, январе, июле-августе 2008 года качественными методами — нарративные и фокусированные интервью, включенное наблюдение (включая опыт личного включенного наблюдения 1990—1999 годов). В роли информантов выступили жители Баргузина (в том числе Шанхая), работники баргузинской больницы и поликлиники, школы, администрации, социальных служб и редакции местной газеты «Баргузинская правда». Сама газета была включена в исследование как объект дискурс-анализа. Были просмотрены все выпуски за 2000—2007 годы. Анализ, как ожидалось, должен был позволить выявить дискурсивные образы «Шанхая», конструируемые прессой. Важно было понять, ориентирована ли власть,

¹ Под социальной категорией «дети» будем понимать лиц, не достигших 18 лет.

местное сообщество на публичное обсуждение социальных проблем Шанхая, проблем детства в частности ¹. Также в исследовании были использованы материалы, отчеты, подготовленные Комиссией по делам несовершеннолетних Баргузинского района [Аналитическая справка, 2007; Информационно-аналитический материал, 2006].

После поля: рефлексия, социальная теория, структура исследования

Перед тем, как перейти непосредственно к представлению материалов исследования и моих интерпретаций к нему, мне хотелось бы немного рассказать о своей позиции в том исследовательском поле, которое, по сути, сам для себя сконструировал. Считаю эту задачу дополнительной, но в моем случае особенно важной. Есть на это как минимум две причины.

Быть частью – суметь отстраниться

Первая – считаю себя частью того места и времени, которое исследую, а свою биографию и опыт – опосредованными изучаемым пространством (смыслов, дискурсов, тактик). Я родился 21 год назад, в 1987 году, в Баргузине; детство до двенадцати лет прошло в Шанхае, откуда моя семья переехала в собственный (в смысле расположенный обособленно от других) дом в «другом конце» Баргузина. Могут ли воспоминания этих двенадцати, в принципе слабо осознанных, лет быть использованы в качестве материалов включенного наблюдения? По моим ощущениям, да. Не менее ценными для исследования стали последующие пять лет, которые я прожил «на другой стороне» поселка. В эти годы мои повседневные маршруты (в школу, за продуктами, «в центр») проходили мимо Шанхая, меня с ним мало что уже связывало (появились новые друзья, новые соседи и пр.). К старшим классам средней школы некоторые мои прежние «шанхайские» знакомые имели ни один привод в милицию, одному «свои же топором проломили голову», другой уже «влетел и сел». Обозначенный опыт: жизни внутри сообщества, а позднее – в стороне от него – это мой габитус. И у него есть ряд преимуществ, которые я посчитал возможным использовать. Два обозначенных участка биографии (внутри и вне сообщества), очевидно, дают моей исследовательской позиции одновременно как дополнительные шансы, так и скрытые «риски».

Основанием для возникновения второго мотива проведения мною процедуры собственной объективации стали собственно эти риски.

¹ В отношении газеты сразу скажу: никаких материалов, статей о Шанхае, опубликованных обращений местных жителей за рассматриваемый период в ней не оказалось.

Первый из них был связан с высокой степенью моей включенности в сообщество жителей Баргузина. И здесь, наряду с преимуществами, возникли две проблемы. Первая заключалась в том, что мне необходимо было отстраняться от собственного видения «проблемы» (а оно у меня было) как объективного. Второе противоречие тесно связано с первым. К моменту начала исследования я был включен в сообщество жителей Шанхая в значительно меньшей степени, нежели в более широкое поселковое сообщество. Последнему я доверял больше. Я ощущал, что получу «правду» о Шанхае, если буду спрашивать о нем у жителей Баргузина, проживающих «вне его границ». При том, что характер деятельности, возраст (поколение) у информантов (не-жителей Шанхая) были разными, их представление о социальной обстановке в двухэтажках, отношение к микрорайону оказались во многом однородными — содержательно и по эмоциональному оформлению. В исследовании это в целом обобщенное видение (лейтмотив нарративов) обозначено как «дискурс жителей Баргузина».

Второй существенный риск возник еще на этапе подготовки исследовательской программы. Я определил бы его как «заданность поля». Дело в следующем. Необходимость фокусировки логически задавала границы исследования. Будучи искусственными по определению, они, возможно, стали еще более искусственно заданными в связи с потребностью проблематизации. Я изначально определил Шанхай как проблемную точку, сосредоточил внимание на детях (как наиболее уязвимой группе). Говоря о Шанхае, в статье я довольно часто употребляю такие слова, как «микрорайон», «территория», «анклав». Возможен вопрос: оправданно ли говорить о жесткой сегрегации пространства? О наличии обособленного сообщества? О его целостности? Исследование показало то, что в этом и других обозначенных выше случаях заданность была в целом оправданной. Хотя где-то я и внес существенные коррективы в первоначальные выводы.

Наконец, третий и последний риск я увидел в своем общем представлении проблемы, характере проблематизации. В исследовании ключевыми «героями» были дети, и это изначально задавало определенную интерпретативную рамку — обывательскую, исследовательскую оптику. Говоря упрощенно, я видел детей, которых по-человечески жалко. Их родителей трудно как-то оправдать, а больше хочется обвинить, представить как «ненормальных». Из статьи я попытался (насколько это было возможно) исключить собственные осуждающие, «паникерские» суждения, которыми итак оказались полны имеющиеся нарративы. Мне все же хотелось понять, насколько «нормальная» логика дискурса жителей Баргузина далека, а может быть, и совершенно чужда тем, кто проживает в Шанхае. Такой ракурс, очевидно, открывал новые познавательные перспективы, делал более объемным мой собственный взгляд

на «проблему», которой, может, и не существовало для жителей исследуемого микросообщества. Инструментом для решения этой задачи был избран дискурс-анализ.

Методологическая структура исследования

Анализ собранного материала подтолкнул вот к какому методологическому решению — в статье мы постарались соотнести теорию социального исключения, некоторые концепты П. Бурдьё с категорией «дискурс», включив их в дискурс-аналитическую структуру исследования. Это позволило, как представляется, прояснить более широкие социальные и культурные изменения, частью которых являлся дискурс.

Структура дискурс-анализа основывается на критическом подходе Нормана Фэркло [Йоргенсен, Филлипс, 2008. С. 108–162]. В его логике дискурс — это форма социальной практики, которая и конституирует социальный мир, и конституируется в других социальных практиках. Дискурсивные практики конструируют репрезентации мира, идентичности и социальные отношения. В этом смысле дискурс — это способ говорения, который придает значение жизненному опыту с определенной позиции. Критический дискурс-анализ является «критическим» в том смысле, что направлен на выявление роли дискурсивной практики в поддержании социального устройства, включая социальные отношения с неравным распределением власти¹. Принимая тезис о том, что дискурсивная практика является частью более широкой социальной практики, мы импортируем в обозначенную дискурс-аналитическую структуру исследования теорию социального исключения [Астоянц, 2007. С. 8–53] и дистанцирования, концепты социального пространства, поля, габитуса Пьера Бурдьё.

Под социокультурным дистанцированием (производством дистанций) мы будем понимать, с одной стороны, конструирование социальных (относительно социального статуса) и культурных (относительно повеления) различий между некими группами акторов (актерами), с другой — процесс разрыва социальных сетей, увеличение символической дистанции между этими группами (актерами). Социальная эксклюзия рассматривается нами как многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества, и состояние отверженности индивидов и групп, возникающее вследствие этого процесса [Астоянц, 2006. С. 476]. Социальное пространство определяется П. Бурдьё как

¹ Н. Фэркло принимает понимание власти М. Фуко: власть следует представлять не только как исключительно репрессивную, но и как продуктивную силу; власть конституирует дискурс, знание, сущности и реальности. Именно благодаря власти производится социальный мир, а объекты отделяются друг от друга, и, таким образом, возникают индивидуальные характеристики и взаимоотношения.

абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала. Поле — это относительно автономная область, подчиненная определенной социальной логике. Габитус — социальность и история, встроенные в тело и язык человека. Это прочное, устойчивое, но крайне эластичное образование [Бурдьё, 1993].

Теоретически социальное дистанцирование и исключение (к их эмпирическому соотношению мы обратимся в следующих разделах), очевидно, являются характеристиками социального пространства. Они, к примеру, уменьшают шансы одних акторов в их стремлении достигнуть определенной цели внутри какого-либо поля, одновременно увеличивая шансы других акторов, вступивших в «борьбу», и наоборот. Социальная теория, таким образом, объединена общей «пространственной» сущностью и в этом разрезе видится целостной. В ходе последующего анализа на основе полученного эмпирического материала мы частично будем преобразовывать обозначенную социальную теорию в термины дискурс-анализа. Но для начала «Шанхай (детей Шанхая)» определим как порядок дискурса — совокупность дискурсов, формирующих систему различных представлений об исследуемом сообществе. В частности, мы будем говорить о дискурсах жителей Шанхая и населения Баргузина в целом, дискурсе органов социальной защиты, института образования и медицины, дискурсе СМИ и некоторых других. Мы постараемся понять, как различные дискурсы внутри обозначенного дискурс-строа конкурируют, воспроизводят и изменяют значения, идентичности и социальные отношения, способствуют социальной интеграции либо, наоборот, поддерживают процесс социальной эксклюзии.

Сообщество

Исследование нацелено в самом общем смысле на анализ процесса разобщения, дезинтеграции сельского сообщества относительно некоторой «узловой точки» — сообщества Шанхая. В последующих двух подразделах мы постараемся, во-первых, дать качественно-количественную характеристику исследуемым сообществам, а во-вторых, задумаемся над основаниями возникновения внутри одного сельского общежития двух различных нормативных систем.

Баргузин

Баргузин — сельское поселение — административный центр Баргузинского района Республики Бурятия. Поселок расположен в 350 км к северу от столицы республики (г. Улан-Удэ) и в часе езды от оз. Байкал. Основан в 1648 году. Современный Баргузин — ограниченная ландшаф-

том территория (около десяти кв. км) с населением более семи тысяч человек. Здесь действуют две администрации: одна — сельского поселения, другая — района. Все муниципальные представительства региональных, федеральных органов власти также расположены здесь. В Баргузине сегодня — не много «городского», но и сельской окраиной его вряд ли назовешь. Здесь нет каких-либо крупных промышленных предприятий, и одновременно мало кто активно занимается сельским хозяйством. При этом некоторое повышение благосостояния в последние годы — не заслуга местных предприятий, а видимо, показатель роста доходов работников бюджетных организаций, не производящих никаких материальных ценностей. В Баргузине сегодня нет профессиональных образовательных учреждений, способных принять выпускников средней школы Баргузина, сельских школ района. Желающие продолжить образование выбирают обычно Улан-Удэ, Иркутск, Читу, центральные города России. При этом Баргузин в целом трудно назвать неблагополучным, «медвежьим углом» — социальная инфраструктура более-менее развита, большая часть населения имеет сносные заработки, общественный порядок поддерживается, особого криминала нет. Показатель этого — немалая часть выпускников с вузовским образованием, которые возвращаются домой, находят в Баргузине работу по специальности.

Баргузин можно определить как «замкнутое» сообщество, деятельность его жителей, скорее, подчинена каким-либо внутренним интересам, нежели ориентирована во вне: «мы живем сами для себя». Баргузин мог стать другим, если бы имел, к примеру, транзитное положение («располагался на дороге»), был ориентирован на туристов (рядом Байкал, Баргузинский заповедник), имел предприятие регионального масштаба и пр. Социальные связи внутри сообщества жителей (баргузинцев) устоявшиеся, все здесь друг друга знают, однако не настолько хорошо, как в «настоящей» деревне. К тому же «новые» люди в Баргузине появляются редко. Большинство приезжих — жители «умирающих» соседних сел, пытающиеся найти здесь «свое место». Из других районов республики, регионов России приезжают еще реже, чаще всего по направлению в «местные» государственные органы. Маятниковая миграция — преимущественно студенческая.

Сообщество жителей Баргузина таковым называться может. Однако общность определяется здесь очевидной самоидентификацией (мы — баргузинцы, мы — баргузинские), нежели качеством социальных взаимодействий. Это касается интеракций на повседневном, бытовом уровне, особенно показательно — в отношении гражданского, политического участия¹. Внутри сообщества нет выделяющихся «корпора-

¹ О Баргузине, о модели взаимодействия сообщества с местной властью более подробно см.: [Бреславский, 2007. С. 279–286].

ций» — крупных производственных, организационных коллективов (например, работники завода в монограде). Медики, учителя, предприниматели не заметны как группа вне своих институций. Локальную идентичность не «питает» какой-либо значимый коллективный опыт, как это, допустим, было в поселениях БАМа. По моим наблюдениям, в современном Баргузине в сравнении с другими «сельскими» сообществами Бурятии в значительно меньшей степени актуализируются семейно-клановые сети, не столь «крепки» и соседские связи. Режим жизни 1990-х годов, определивший формулу «выживай сам — другие сами себе помогут», произвел множество дистанций внутри сообщества; некоторые из них преодолеваются, другие — со временем лишь увеличиваются. Наше исследование посвящено увеличивающейся дистанции. Эта дистанция, конституированная дискурсивно, «превратила» территорию деревянных двухэтажных домов внутри Баргузина в «бомжатник» — «бичёвник» — «помойку». Микрорайон «Шанхай», о котором идет речь, в результате множественных артикуляций приобрел «пространственную специфику», «границы» и «соответствующее» сообщество. Подробнее об этом — в следующих разделах.

«Шанхай», «шанхайцы», «дети-негры»

Двенадцать деревянных двухэтажных домов ¹, образующих современный «Шанхай», были построены в период с 1967 по 1971 год ². Для проведения строительных работ в поселок пригласили всех необходимых специалистов — от проектировщиков до маляров. В строительстве первых двухэтажек участвовали также «химики» — люди, обрабатыва-

¹ Речь идет о домах, расположенных по адресам: Партизанская 1, 4; Кабашова 27, 38, 40; Гагарина 1, 2, 3, 4; Очирова 4, 6, 8. К уже перечисленным стоило бы приписать дом № 36 на улице Кабашова. Однако в 2006 году это довольно большое (три подъезда, два этажа) сооружение за три дня было самовольно разобрано жителями «Шанхая». Снос не был санкционирован поселковой администрацией, однако каких-либо «карательных» мер также не последовало. Шанхайские двухэтажные дома — это деревянные постройки из бруса, заштукатуренные изнутри, отапливаемые кирпичной печью. Жить в них можно тепло и комфортно. Я осознанно пишу домов, а не бараков (так иногда называют такие постройки), так как лично никогда не слышал подобного определения от жителей Баргузина.

² Для уточнения информации о целях и содержании строительных мероприятий путем сплошной выборки были просмотрены выпуски «Баргузинской правды» за 1967—1971 годы. Однако «недеревенский» размах стройки (жилых зданий, здания районного дома культуры, нескольких производственных помещений) остался вне ее внимания. В отделе архитектуры поселковой администрации никаких сведений о строительстве домов (распоряжений, постановлений) также не сохранилось. По этой причине сейчас мы не можем с уверенностью сказать, насколько появление в Баргузине микрорайона деревянных двухэтажек соотносилось с идеей советского государственного проекта создания в селе городского пространства (см. об этом подробнее: [Богданова, 2006. С. 351—366]).

ющие здесь условно досрочное освобождение. Многие из прибывших на строительные работы остались жить в Баргузине, часть — непосредственно в построенных домах. К концу 1960-х годов строительство 13 домов (более двухсот с половиной квартир) было явно необходимо развивающемуся районному центру, все дома сразу после строительства «посписочно» были заселены:

Мои родители из Улюна [деревня, Баргузинский район] были. Когда мы с мужем сошлись, решили поехать в Баргузин на заработки [...] встали на очередь, позже выделили квартиру. В ней и живем до сегодняшнего дня [...] Разные специалисты были: связисты, библиотечного дела специалисты, медицинские работники, строители, рабочие, в общем. А потом многие разъехались: кто в свой дом, построили, кто-то еще куда. Приехали после них уже разные [в смысле раньше все хорошие были, а потом по-разному] (житель Шанхая, 51 год).

Квартиры в двухэтажках заселялись преимущественно семьями, причем «молодыми». В 1970—1980-е годы очередь на заселение постоянно пополнялась, «двигалась»¹. При этом для большинства первых жильцов двухэтажки не стали перевалочным пунктом, многие семьи даже не искали возможности сменить место жительства на более «деревенское»²:

У меня в целом не осталось негативных воспоминаний [о шанхайской жизни]. Нормально жили, дружно. Все было для жизни, что хотели. Детей воспитывали. [...] Все кто хотел, работали, огород держали. Мы вот у друзей грядку имели, я после работы заходила и поливала. К ним же в баню ходили. Вещи в кладовке на улице держали, ничего не боялись. Криминала особого не было. За детей так не боялись. [...] Друг-дружке помогали, готовы были жить и дальше (житель Баргузина, 46 лет).

Сообщество жителей Шанхая до начала 1990-х годов, согласно полученным нарративам, таковым и было (в качественном понимании, в смысле тесноты связей). Основу повседневных взаимодействий формировали отношения дружелюбности, внутренней поддержки, солидарности, сплоченности и взаимовыручки. В Шанхае жили преимущественно благополучные семьи со средним заработком. Массовой бедности, детской беспризорности не было. Однако к середине 1990-х годов, а в особенности к их окончанию, ситуация начала меняться. Социальная нестабильность, неопределенность значительно видоизменила прежнее сообщество, а вслед за этим — создала новое, которое мы можем наблюдать сегодня. Отсутствие стабильной оплачи-

¹ Квартиры начали приватизировать лишь в 1990-е годы.

² С приусадебным участком, надворными постройками (баней, зимовьем, стайками для домашних животных и пр.).

ваемой работы побудило значительную часть жителей Шанхая переселиться в собственные дома с приусадебными участками, построить или купить дома «на земле». Собственно, и раньше некоторые «шанхайские» семьи по возможности переселялись в собственные дома (или квартиры в двухквартирных домах). Причины могли быть разные — от желания жить поближе к родственникам до пристрастия некоторых сельчан после работы «поковыряться в земле». При этом в 1990-е годы переезд был мотивирован в большинстве случаев все же экономическими стимулами: огородничество и мелкое подсобное хозяйство попросту позволяли обеспечить более-менее нормальное питание, частью формировали семейный доход. В «Шанхае» к началу 2000-х годов осталось в основном лишь социально и финансово ¹ неблагополучное население, в целом пассивное, не стремящееся изменить условия своего существования:

У нас никакого клуба нет, ничего, чтобы детей увлечь, вообще ничего такого нет. Хороших идей нет. У нас там есть молодые женщины, они вполне могут организовать что-нибудь, могли бы группу здоровья или еще что-нибудь. А они, смотрю, из дома в дом, из дома в дом ходят. Масса времени, но ничего не делают. Работу не ищут. Знаю, всё могут делать, некоторые даже хорошие девчонки. Кто хочет, все могут на работу устроиться. Но не идут (житель Шанхая, 48 лет).

Сегодня в двухэтажках живет более 300 человек, из них детей — около 90 (до 18 лет). «Неблагополучность» местных семей была бы не столь заметной, если бы они жили не так скученно (здесь в одном месте «целые подъезды, дома бедных»). Очевидно, малоимущие семьи, так называемые семьи «группы риска», можно найти практически на каждой из улиц поселка. Но они обыкновенно привлекают внимание лишь своих соседей.

На «карте» социального пространства Баргузина двухэтажные дома, расположенные в Шанхае, сегодня определяются как район «бедности и криминала». А еще три-четыре десятилетия назад это место, где в основном жили молодые специалисты, считалось «благополучным», «точкой роста», «выпускало достойных жителей». Дома же стояли тогда, стоят и сейчас. Но со временем они приобрели иные дискурсивные значения, конституировались по-новому. В целом отношение «внешних» информантов к Шанхаю, социальной обстановке в нем в ходе исследо-

¹ В Баргузине, по моим наблюдениям, средний заработок располагается в интервале 8–12 тыс. рублей, в Шанхае эта цифра оформляет низшие показатели по поселку — 2–5 тыс. Большинство работающих — представители низкооплачиваемых профессий — уборщики, грузчики, строители. Дополнительным, а для многих семей и единственным доходом являются государственные трансферты — пенсии, пособия, единовременные социальные выплаты.

вания редко было участвующим, сопереживающим, чаще слышались алармистские суждения, острый радикализм: *«взорвать бы его [Шанхай] и всё!»*, *«давно забором их надо обнести!»*.

Для того чтобы оценить уровень бедности в некоторых семьях нынешнего Шанхая, предлагаю часть интервью, записанного с сотрудником ОВД: *«захожу в дом, а у них всё голое — стены, полы, один стол стоит, два стула. На полу — конфорка, два матраца. Их в доме пять человек живет, трое детей. Всё пропили»* (житель Баргузина, 36 лет). Прогулки по нынешнему Шанхаю вряд ли вызовут у стороннего наблюдателя положительные эмоции: *«со всех сторон мат, ругань, эти бичи, пьяницы. Дома разбомбленные, грязь»* (житель Баргузина, 46 лет). В повседневном дискурсе жителей Баргузина современный Шанхай — «отстойник бедности и криминала»:

О нём в общем-то отзывы неважные. То, что Шанхай, такое впечатление, что там все пьяницы, дебоширы, вот такое впечатление» (житель Баргузина, 44 год); «но район опасный, криминогенная обстановка обостряется. [...] Что-то плохое всегда может случиться, угроза есть» (житель Баргузина, 36 лет); «Там вечером вообще появляться страшно, тем более, если не местный или пьяный, поддатый. Там магазин работает до двенадцати... Особенно зимой. [...] Избивают часто людей. Раньше не было такого. Сейчас-то что делают! [...] Дети у нас там такими не были. Что за Шанхай-то там? Воруют. Вот в ту пятницу сразу восемь квартир ограбили» (житель Баргузина, 40 лет).

Данный дискурс можно определить как дискурс социальной опасности. Применительно к нашему порядку дискурса — «дети Шанхая» — он может быть рассмотрен как гегемонный, так как имеет наибольший вес в дискурсивном пространстве. Он создан в повседневной дискурсивной практике и сегодня значения, которые он формирует, столь общеприняты, что кажутся естественными. Ради создания единства значения («опасность») из него исключены другие «смыслы» — «жалость», «поддержка», «цветы жизни» и пр. Образ жителя Шанхая — «пьяницы», «дебошира», «угрожающего негодяя» в обозначенном дискурсе сегодня имеет устойчивую языковую форму — «шанхайцы». Слово «Шанхайцы» звучит пренебрежительно, но произносится с опаской. Интересно слышать это слово от людей, не живущих в Баргузине, приехавших в гости, на временную работу. Обычно тех, «кто не знает, что такое Шанхай», предупреждают, и это предупреждение производится одним из первых: *«не успел приехать, говорят, в Шанхай не ходи — Шанхайцы. Кто такие? Как будто в дикий лес. Но понятно: опасно»* (не житель Баргузина, 21 год).

Нынешние «Дети Шанхая» — это дети, воспитываемые Шанхаем и в общем-то не нужные никому, кроме Шанхая, хотя последний

и не очень внимателен к ним. Мне приходилось слышать, как этих детей, основная часть которых живет в неблагополучных семьях, жители Баргузина иронически называют «дети-негры». Их внешний вид — неопрятная, потрепанная одежда, подолгу немытое тело — результат безынициативности родителей и сообщества:

В Шанхае многие, у кого есть дети, пьют и не работают. Детские пособия имеют, на них, наверное, гуляют. Дети голодные, грязные, никто за ними не смотрит, сами себе предоставлены. Дети такие воровать идут. Ущемленные во всем. Ни любви, ни внимания, ни заботы не видят. Почему-то к таким относятся безразлично. [...] Какой они ведут образ жизни!?» (житель Баргузина, 40 лет); «Дети растут опасные. Почему-то они ничем не увлечены. Родители тоже внимания не уделяют. Их улица воспитывает. Но как улица? Иногда улица воспитывает в хорошем смысле, люди ответственные получаются, здесь — нет (житель Шанхая, 49 лет).

Количество детей в семьях Шанхая, «несоизмеримое» с доходами этих семей, расходуется с «деревенской» логикой:

Обычно много детей там, где родителям нужна помощь в домашних делах, когда, допустим, родители думают о расширении хозяйства в будущем. В Шанхае заняться детям не чем, работа в доме небольшая, хозяйства нет, огорода нет. Один ребенок со всем справится. А в больших семьях у детей масса свободного времени. Родители его ничем не заполняют. Вот и выходит: главное их занятие — улица (житель Баргузина, 43 года).

Часто в местных семьях отсутствует должная культура обращения с новорожденными детьми (воспитательная, гигиеническая и пр.) и подростками:

Бани у нас нет, здесь ни у кого нет, общая [общественная] закрыта уже давно. Один раз ходим к подруге мыться, но больше дома моемся, с ребенком, конечно, тяжело [...] но это мы еще думаем. А сколько здесь беспутных [родителей]!? Детей попускают, грязные неделями ходят, так-сяк подтерут и все» (житель Шанхая, 27 лет); «туалеты на улице, они общие, дети со взрослыми ходят, там шприцы, грязь, туалетной бумаги нет, [...] без нее обходятся (житель Шанхая, 36 лет).

Детские практики в Шанхае крайне специфичны. Здесь можно увидеть подростков, работающих «за мелочь»¹ на местной бензоколонке, собирающих для сдачи металлолом, таскающих из расположенного вблизи леса целые стволы деревьев на топку своих домов,

¹ Как-то еще до начала исследования в момент его проработки мне предложили буквально: «ты сходи к ним [детям], дай рубль, они тебе все расскажут. Рублей десять потратишь». Карманных десять рублей для ребенка в Шанхае — это деньги!

играющих возле «помоек и гор мусора». Эти дети вследствие финансовой необеспеченности своих семей, невнимания родителей ограничены в возможностях получения среднего образования, общих и специальных медицинских услуг и пр. Многие «по примеру» родителей с ранних лет начинают употреблять алкоголь, становятся наркозависимыми, в итоге пополняя сообщество криминальной молодежи села.

Теперь несколько слов об основных «детских» институтах социализации (помимо семьи) и здравоохранения. В Баргузине действуют три детских сада, средняя общеобразовательная школа (СОШ). Специально для «проблемных» детей есть социально-реабилитационный центр. Все детсады — в муниципальной собственности, что позволяет администрации вести дифференцированную ценовую политику за счет льготной системы оплаты. При самом щадящем тарифе минимальная месячная оплата за одного ребенка составляет в среднем 700—900 рублей. Но даже эту сумму, кажущуюся на первый взгляд незначительной, большинство шанхайских семей оплачивать не готово. Учеба в поселковой СОШ хотя и бесплатна сама по себе, но явно связана со значительными (если мы говорим о семьях Шанхая) затратами на обучение — покупка канцелярских принадлежностей, учебников, самое главное — пригодной одежды¹. Не меньше детей отказываются посещать школу в связи с отсутствием всякой мотивации к образованию. Напрямую с детьми из семей т.н. «группы риска» работает социально-реабилитационный центр поселка. Его посетители — дети разного возраста — имеют возможность *«некоторое время побыть в теплой атмосфере, стабильно питаться, подлечиться»* (житель Баргузина, 44 года).

С системой дошкольного и школьного воспитания тесно связаны лечение и шире — забота о здоровье детей. Детсадовские и школьные медсестры обычно формируют списки на вакцинации, периодически отслеживают состояние детей. Те из шанхайских детей, кто не посещает названные учреждения, автоматически оказывается в «группе риска». Дома их не ожидают заботливые родители:

Я как-то раз зашла в один дом. Там мои знакомые жили. Узнала, что у них мать умерла. Зашла и удивилась. Смотрю, полы разобраны. Подумала сначала ремонт, но нет! Прямо в живущем доме! Видимо, в печку стопили. И у них грудной ребенок» (житель Шанхая, 49 лет);
«напят, печку сутками не топят, у детей и так слабое здоровье, так

¹ Именно из-за отсутствия более-менее пригодной одежды многие дети из Шанхая не могут и не хотят стабильно посещать школу. В школе для решения этой проблемы проводят ежегодное мероприятие по сбору теплых вещей для детей из неблагополучных семей, но это явно не решает проблемы. Тем более что обычно большая часть собранных вещей передается местному детскому дому.

еще и в холоде» (житель Баргузина, 44 года); «у меня девочка, тоже в двухэтажках живет, обследование по беременности и после проходила. Ладно, курит, выяснилось, что пьет регулярно» (житель Баргузина, врач, 40 лет); «ребенка сроду детским питанием не кормили, «ролтоном» пичкают, молодая девка [его мать], а ленится (житель Баргузина, 39 лет).

Исследование показало — дети «Шанхая» практически исключены из социально-экономической и институциональной систем отношений внутри сообщества. Территориальная, а вместе с ней и символическая замкнутость микрорайона формирует особую идентичность, внутренний мир этих детей:

Обстановка крайне криминализована. Ребенок рождается, что он видит? Родителей-пьяниц? Смолоду воруют, удержать от этого не могут [родители], да чаще сами отправляют. Они еще в школу не ходят, а уже по домам лезят [...] агрессивные, злые (житель Баргузина, 45 лет).

Дистанцирование vs. интеграция

Социокультурное дистанцирование в нашем случае выстраивается в двух направлениях. С одной стороны, «внешнее» сообщество жителей Баргузина, муниципальная власть в целом не проводят участвующей политики в отношении детей Шанхая, социальной обстановки в микрорайоне. Сегодня в нем многие видят социальную угрозу (чаще в смысле распространения в селе криминала, венерических и иных заболеваний и пр.). Однако заботам о повышении благосостояния названного микрорайона местное сообщество предпочитает безучастие, отстранение от его проблем. С другой стороны, жители Шанхая, местные семьи зачастую сами не ориентированы на какое-либо сопротивление, выравнивание существующих социальных диспропорций. В следующих двух разделах мы рассмотрим как два сообщества (одно внутри другого) отдаляются друг от друга, как в результате этого процесса стираются межгрупповые различия, как режимы дистанцирования и социального исключения вписаны в пространственные характеристики исследуемого места.

Направление первое – мы «окраина»

«Устроили там Шанхай — покоя нет. Живут своей коммуной, сами себе» (житель Баргузина, 52 года); *«скоро туда вообще носа не сунешь, если сейчас даже днем страшно там пройти»* (житель Баргузина, 44 года). Еще десять-пятнадцать лет назад такие высказывания показались бы нелепыми. Сегодня социальное пространство «депривированного» Шанхая начинает совпадать с его физическим пространством.

Шанхай со временем становится все более замкнутым, образует некий мирок со своей жизнью. Территория двухэтажек, вся без исключения, рассматривается как территория Шанхая, подвластная ее жителям — шанхайцам. Действительно, здесь практически не осталось «нормальных» семей. Все кто мог, уехали. Кто планирует, делают это с особым усердием:

Это ужас, а не жизнь. Ежедневно пьянки, драки, ругань. Квартиру нельзя оставить даже днем — все обворуют. Везде грязь [...] Детей на улицу не хочется выпускать. Все делаем, чтобы поскорей возможность была отсюда уехать. Лишь бы свой дом подальше отсюда [...] Потребовать [порядка] нельзя, точнее — нет смысла. Порой милицию вызвать... семь раз подумаешь. Живешь тут один — махом разделяются, отомстят (житель Шанхая, 37 лет).

Сообщество шанхайцев искореняет, попросту «выталкивает» тех немногих, кто, находясь в нем, оформляет оппозицию. Таким образом, с помощью депортации некоторых людей социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство [Бурдые, 1993. С. 33–52].

Социальное пространство Шанхая (в нашем случае девиантное, криминализованное) практически формирует специфику культурных и властных отношений, хозяйственных практик, повседневных взаимодействий.

Люди с иной («нормальной») социальной логикой, не желающие или не имеющие возможность выехать из шанхайских квартир, вынуждены принимать (но не обязательно — разделять) логику шанхайцев и, соответственно, логику «депривированного» социального пространства:

У нас как в фильме ужасов. Вечер наступил — мы все закрываем, на улицу стараемся не выходить. Белье на улицу опасно вывешивать, ведро туалетное — и то унесут. Частники боятся здесь что-то строить. Могут сжечь, обокрасть. Отдохнуть без эксцессов нельзя. На пьяных спокойно уже реагируем. Мусор кругом — тоже привыкли. [...] Раньше был другой коллектив, теперь мы как бы одни получаемся (житель Шанхая, 37 лет).

Перечисленные «издержки повседневности» представляются как убытки пространственной локализации (привязки к определенному месту). Они определяются, с одной стороны, через отсутствие качественной социальной инфраструктуры, условий для «культурного» отдыха, санитарной чистоты, а с другой — через факт нежеланного соседства (угроза здоровью, беспокойная обстановка и пр.).

Социальное пространство Шанхая может быть определено как *место*, где концентрируются негативные полюса сразу из нескольких полей

(экономического, образовательного и т. д.), а большая часть жителей занимает пассивные, аутсайдерские позиции в «значимых» областях социального:

Вот раньше вполне успешные люди здесь [в Шанхае] жили. Уважаемые. А теперь-то все безработные, ханыги. Низшие должности им поручают: уборщицы, сторожа. В этом духе. Нет стремления такого, чтобы что-то изменить. Цель поставить, добиться. Винцу только радуются (житель Шанхая, 51 год).

Отсутствие у жителей Шанхая более-менее крупного капитала в каком-либо из полей приводит их к крайней степени локализации: оно приковывает к месту. Информанты-жители Шанхая сами указывают на территориальную дистанцию: *«Мы же на отшибе, не в центре живем [...] самое главное, они же [работники администрации поселка] здесь в центре не плохо живут, а мы — окраина»* (житель Шанхая, 34 года). При сравнительно небольшом физическом расстоянии между административным центром и районом Шанхая (примерно в 1,5 км) эта дистанция представляется скорее символической, нежели реальной. Она указывает на то, что состояние, а вместе с ним и ощущение социальной исключенности все-таки присутствуют в сообществе, отдельных семьях Шанхая. Жизнь «на окраине» для них — это не столько жизнь вдали от «всего остального мира», сколько момент одиночества внутри этого мира. Быть исключенным не хочется никому. Это сентиментально и цинично одновременно.

Интервью показали, жителям Шанхая наиболее важно понимать не то, «внизу» они или «вверху» социальной структуры. Важнее для них осознавать — в «центре» они или «на периферии», «внутри» или «вне» сообщества. При этом, указывая на то, что ими «никто не занимается», они ссылаются чаще на административные институты, организационно-финансовую поддержку которых они не хотели бы потерять. Внимание более широкого поселкового сообщества им необходимо в меньшей степени:

«Мы живем своей жизнью. Какое кому дело, что делаем. Это наша жизнь. [...] Да все у нас нормально, нет особых проблем [из интервью, возле полуразрушенной двухэтажки, у подъезда, в котором единственная жилая квартира принадлежит информантке, рядом свалка бытового мусора]. Не работаю. [Деньгами] государство помогает».

Честно говоря, интервью с жителями Шанхая, точнее с теми из них, кого дискурс социальной опасности определяет как «шанхайцев», давались сложно. Иной раз трудно было понять, действительно ли они считают, что происходящее вокруг них, с их участием является «нормальным». Или это просто притворство, питаемое внутренней самокритикой. Однозначного ответа у меня нет. Но склоняюсь я все же к тому, что воспроизводимая в Шанхае система норм, определяемая господ-

ствующим нормативным дискурсом как «ненормальная», может со временем кристаллизоваться, принять устойчивые формы. Это дело нескольких поколений. Натурализовавшись, она будет восприниматься как естественная, и, очевидно, конфликт между отверженными и теми, кто их окружает, не угаснет.

Отказ «взрослых» жителей Шанхая от какого-либо диалога¹ с местным сообществом, властью делает их детей социально уязвимыми. С момента рождения они практически не имеют доступа к основным социальным институтам, реализующим общие механизмы интеграции в сообщество, исключены из многих кругов социального обмена. Социализация в депривированном районе, получение соответствующего опыта значительно ограничивают их жизненные перспективы в «другом» обществе, находящемся буквально через дорогу. Справедливо и обратное: «нормальные» дети оказываются социально уязвимыми, попав в Шанхай. Дети Шанхая борются за ресурсы, социальное уважение, «признание», за пространство. Правда, делается это чаще криминальными методами:

Они там кучкуются. Обнаглели совсем эти группировки. У них же там целая система со смотрящим. Оттуда все. Малолетки обнаглевшие. В школе-то что творят! Рэкет — у детей деньги, мобильники отнимают. Никто с ними ничего сделать не может! (житель Баргузина, 46 лет).

Название, а точнее самоназвание, этих группировок — *движение* («движуха»). Участники движения называют себя «шпаной», употребляя также понятие «басота». Движение формируется в основном за счет подростков из неблагополучных семей. Для них оно становится средством выхода из безысходности, иллюзией власти, возможностью заявить о себе, самореализоваться и самовыразиться. Возможность не только в мечтах, но и в реальности *«выбиться в люди, стать сильнее»*, *«брать и не отдавать»* — серьезный повод для отказа от «нормальной» жизни. Для подростков — это игра в «блатные понятия», в «сильных и крутых парней». Их субкультура представляется одним из возможных решений проблем бедности, низкого статуса, недостатка возможностей сельской молодежи. Разочарование в школе и других «детских» местах преодолевается статусом и чувством собственного достоинства, достигнутыми внутри системы ценностей субкультуры преступности. Романтика блатной жизни сама по себе очень часто оказывается привлекательной для молодого поколения.

¹ Собственно, диалог этот им особо не предлагают ни окружающее сообщество, ни власть. Здесь я говорю о том, что они сами не начинают «цивилизованного» диалога (обращения, мирные митинги, заявления в прессе).

Среди характерных для движения внутренних установок особо выделяется «силовая принципиальность». Она выражается в комплексе норм демонстрации и использования физической силы и предполагает наглядное умение «стоять за себя», «отвечать за себя», быть источником активного действия, занимать активную позицию, постоянно демонстрируя готовность к силовому действию, это и умение управлять действиями других без активного применения силы, используя, скорее, демонстрацию ее наличия и возможные последствия ее применения [Волков, 1999. С. 80–86].

Что же заставляет обычного пацана пойти в движение? Во-первых, финансовый стимул. Каждый участник движения, по сути, наделен «правом легитимного рэкетирства» — возможностью осуществлять денежные сборы с тех, кто в движении не участвует и, что немаловажно, оставлять часть этого сбора себе. Во-вторых, — стремление к власти (хотя бы над сверстниками), которое может быть определено как желание навязывать другим свое мнение и определять их возможные действия. В-третьих, — непривлекательность традиционных форм деятельности (образование, спорт), досуга молодежи (творческие кружки), определяемая, наряду с другими причинами, установками самого движения. В-четвертых, — молодых людей удивительно привлекает романтика блатной жизни — «игра» в «настоящих» мужчин, решающих «взрослые» задачи «по понятиям». Но все-таки главным мотивом участия в движении, думается, выступает само движение, точнее — фактическое отсутствие у молодых людей (читай — детей) Шанхая возможности остаться за его границами¹. Между участниками движения и остальной молодежью идет постоянное противостояние. Оно не принимает форму массовых физических столкновений, но мелкие стычки, очевидно, имеют место. При этом подобные действия расцениваются их инициаторами как правые, как дела чести либо возмездия. Происходит это в школе, на дискотеке, на улице, особенно рядом с Шанхаем. Территория Шанхая считается территорией «шанхайцев», однако это совсем не значит, что «нормальным здесь не место». Днем, допустим, может вполне свободно побывать здесь, вечером, правда, несколько сложнее (желательно все-таки знать кого-нибудь из «местных»).

Итак, можно прерваться и сделать ряд предварительных выводов. Учитывая, что границы устанавливают пределы, которыми социальные группы отделяются друг от друга на основе механизмов исключения /

¹ Стоит сказать, что молодежное блатное движение в Баргузине (Баргузинском районе) развито разительно в меньшей степени, нежели в других поселениях Бурятии, где его участники контролируют, выражаясь терминологией П. Бурдые, практически все социальное пространство сообщества, минимум — отдельные поля (культурную, экономическую повседневность).

включения¹, а также опираясь на привлеченный эмпирический материал, мы можем выделить, по крайней мере, две социальные оппозиции.

Первую организуют две группы молодежи. На одной ее стороне — участники движения, на другой — активно им сопротивляющаяся либо просто избегающая контактов с ними группа «нормальных» подростков.

Вторая, более широкая оппозиция, — «шанхайцы» и «всё остальное сообщество» («нормальные» жители) — включает первую. Более того, она организуется во многом на основе опыта негативных контактов местного сообщества с «совсем обнаглевшей» подростковой молодежью Шанхая.

Направление второе – «у нас свои дети»

Социальные, культурные дистанции между Шанхаем и «остальным» сообществом образовались, как уже отмечалось, в конце 1990-х — начале 2000-х годов. При этом к «остальному» сообществу в целом примкнули и те жители Баргузина, которые в это время выехали из Шанхая в собственные дома². Дистанция как разрыв прежних связей (социальных сетей) с теми, кто был тебе близок и дорог, чувствовалась крайне остро:

Мы же все равно с мамой бегали туда, скучали по дому, по квартире. Просто тяжело было. Считай, всю жизнь там прожили [...] сейчас-то уже никаких отношений [с жителями Шанхая, бывшими соседями]. Все! Новая жизнь!» (житель Баргузина, 27 лет); «видно было, что с ними будет [детьми соседей, которые не имели возможности приобрести другой дом, квартиру вне Шанхая], явно ничего хорошего, но что мы могли поделать, нам нужно было о себе заботиться, у нас свои были дети (житель Баргузина, 45 лет).

Здесь забота еще и о «чужих» детях представлена как своего рода ноша, непосильная для «простого» человека, находящегося к тому же в нестабильной обстановке. При этом и сегодня, исходя из моих собственных наблюдений, материалов интервью, старые контакты не реанимируются. «Выходцы» из шанхайских двухэтажек предпочитают оставаться на расстоянии от тех, кто остался и продолжает жить в них:

И рады были бы пригласить их [старых знакомых], но опять же страшно [...] в баню звать, вдруг больны чем, сколько там заразы ходит. Приучишь — только раз пригласишь, потом приходиться замучают» (житель Баргузина, 47 лет); «раньше мы с ней подружками

¹ Опираюсь на работу Фредерика Барта [Barth, 2000. Р. 17].

² О тех, кто «успел вырваться, вылезти из Шанхая» в конце 1990-х — начале 2000-х годов, многозначительно говорят: «Молодцы».

были, а сейчас как-то предпочитаю, если встречу, мимо пройти» (житель Баргузина, 32 года); мы переехали недалеко от двухэтажек, так мне родители сразу запретили туда бегать, играть с теми детьми (житель Баргузина, 25 лет).

Мне помнятся разговоры из недавнего прошлого, когда выходцы из Шанхая начинали вспоминать «ту», прежнюю жизнь. Говорили, что Шанхай был «школой жизни», что оттуда вышло много местных начальников, что пережить все и выехать оттуда — это многого стоит, а люди, которые это сделали, заслуживают уважения. При этом тех, кто остался, не винили за пассивность, отсутствие деловитости или хозяйственности. Однако где-то здесь, в этих разговорах и начиналось зарождаться отстранение, неприятие жалости к тем, кто оказался на «противоположной» стороне.

Режим жизни 1990-х годов окончательно приватизировал проблемы рядовых граждан и ответственность за их решение. Каждый решал свои проблемы сам, не доверяя коллективной борьбе за «общие» интересы. И сегодня ожидать, что вокруг Шанхая будет самоорганизовано какое-либо гражданское, политическое движение не приходится. Гражданского протеста нет, быть может, есть лишь слабое чувство вины, стыда и замешательства. О наличии социальной дистанции между жителями Шанхая и «остальными» баргузинцами сегодня в немалой степени свидетельствует предположительный, но весьма категоричный характер высказываний последних. Нарративный материал изобилует выражениями «видимо», «наверное», «почему-то»: *«В Шанхае многие, у кого есть дети, пьют и не работают. Детские пособия имеют, на них, наверное, гуляют»* (житель Баргузина, 42 года), *«ничего они там не делают. Просто там, видимо, денег не хватает»* (житель Баргузина, 43 года). Нерешительный тон подобных высказываний, низкий уровень уверенности, убежденности напрямую указывает на степень вовлеченности информантов в свои высказывания. Не имея собственного представления, не увидев все собственными глазами, они опираются на общественное мнение, стереотипы и слухи, часто не осознавая, как и кем они формируются. Дискурс социальной опасности обеспечивает поведенческими инструкциями тех членов поселкового сообщества, которые не идентифицируют себя с Шанхаем. Он стимулирует социальное исключение, производство дистанций, предлагает избегать «лишних» проблем там, где это возможно.

Культурное дистанцирование, конструирование жителями Баргузина (не из Шанхая) неких культурных различий (различий в поведении) между собой и жителями Шанхая, в исследовании проявилось в виде классификации «мы — нормальные, они — не нормальные». В ее основу легло артикулированное осуждение, порицание ценностей, манер поведения, логики некоего «жителя Шанхая»:

Это разве по-человечески, нормально вот так с детьми обходиться!?» (житель Баргузина, 42 года), «И дети, что живут в Шанхае, и здесь, что живут в центре [Баргузина], совсем разные. Даже по виду ребенка можно определить. Но у нас [в садике] таких детей нет. Есть одинокие мамочки, но нормальные» (житель Баргузина, 44 года); «у них никакой культуры, считай, ни образованности, как они могут нормального человека вырастить? (житель Баргузина, 37 лет).

Обозначенные группы сохраняются как значимые единицы лишь постольку, поскольку существует маркированное отличие в поведении. Показательно в этом смысле то, что шанхайцы в повседневном дискурсе жителей Баргузина оказываются лишенными «человеческого» лица. Сама категория «шанхайцы», созданная дискурсивно, постепенно стирает различия внутри этой группы: все, кто живет в Шанхае, определяются как «шанхайцы». Это особенно показательно в отношении «молодого» поколения, не заставшего «благополучного» периода двухэтажек.

Культурное дистанцирование организуется помимо всего прочего на *различном* отношении к ребенку. Очень часто разговор о детях, проживающих в Шанхае, сопровождался крайне значимыми для информантов репликами об их взаимоотношении с собственными детьми: *«для ребенка собственного ничего не жалко, себя не жалко, мы живем, только чтобы бы ребят поднять, чтобы они нормально жили, о себе не думаем»* (житель Баргузина, 44 года). Понятно, что отношение к детям в Шанхае вызывает у «внешних» информантов волну негативных эмоций.

Дальше мы рассмотрим вместе с дискурсом социальной опасности (поддерживающим производство дистанций) другие дискурсы «о Шанхае, о местных детях», видимые как некая альтернатива гегемонному, представляющие иные значения и системы действий (тяготение к социальной интеграции).

Замечания к социальной политике

Дискурс органов социальной политики (и правопорядка) иницирует внутри поселка институциональную поддержку, выражая осознанное стремление «государства» оказывать помощь всем, кто в ней нуждается. Этот дискурс включает в себя прежде всего дискурс социальной полезности и дискурс социальной ответственности¹. Они организуются, помимо всего прочего, вокруг созданного ими же конструкта — «группа риска», в которую включаются потенциально опасные

¹ Наименования дискурсов и некоторые их содержательные компоненты заимствованы из работы М.С. Астоянц [Астоянц, 2006. С. 475–500].

социальные субъекты — семьи, отдельные граждане. Рассмотрим эти дискурсы подробнее.

Но для начала одно важное замечание: в дискурсе органов социальной политики Баргузина в отличие от бытовых дискурсов не происходит разграничения на «бедных в Шанхае и остальных бедных». И это неотрефлексированный выбор социальных служб. «Шанхай» на уровне публичной политики, то есть где-то за пределами повседневности не имеет каких-либо отличительных признаков. Иными словами, микрорайон не проблематизирован как нечто обособленное, к чему, возможно, необходимо подходить с набором особых методов. Теперь все-таки рассмотрим выделенные дискурсы.

Дискурс социальной полезности, рассматривающий детей как «ресурс общества», «будущих взрослых — костяк общества», предполагает серию действий, направленных на то, чтобы как можно больше детей из группы риска подошли к «взрослой» жизни подготовленными, с «нормальной» социализацией и образованием. Для этого:

Проводятся рейды по выявлению семей группы риска. Положение в этих семьях отслеживается, то есть регулярно приходим, смотрим, что творится [у них] дома, рекомендуем детей в реабилитационный центр [находится в Баргузине]. [...] Берем и почти что за руку приводим детей в школу (житель Баргузина, социальный работник, 34 года).

В дискурсе социальной ответственности социальные службы определяются как субъекты, несущие групповую ответственность за обеспечение «полноценного детства», «нормального приюта» для подростков, у которых нет «нормальных родителей»: *«таких детей стараемся отправлять в лагеря, для того, чтобы они хоть на какое-то время были счастливы, почувствовали себя нужными и всё-таки детьми»* [Баргузинская правда, 2008. С. 1].

В обоих дискурсах я осознанно опускаю потенциально продуктивную роль поселкового сообщества, которое могло бы поддерживать социальные службы в решении *общих* проблем. И делаю это именно потому, что партнерства попросту нет. Можно лишь выделить несколько ежегодных благотворительных несистематических акций, осуществляемых предпринимателями, а также преподавателями и учащимися поселковой школы.

Риторика социального партнерства, которая могла бы объединить два выше обозначенных дискурса, встречает сопротивление гегемонного дискурса социальной опасности и в этой борьбе сегодня проигрывает.

Публичная политика социальной интеграции теряется во все увеличивающейся дистанции между криминализированным бедным и осталь-

ным, «нормальным» сообществом. Однако эта дистанция, произведенная на уровне повседневности, не упраздняет социальные службы. Они по-прежнему занимаются «своим делом». Изменения происходят на уровне дискурсов. Действительно, и дискурс социальной полезности, и дискурс социальной ответственности, оформленные институционально, все же не существуют обособленно от других дискурсов, воспроизводящихся в сообществе.

Приведем в качестве двух примеров следующие нарративы.

(1) Жалко, конечно, детей. Но и у людей своих проблем хватает. [...] Почему мы должны заниматься, думать о шанхайцах. Эти бандиты о нас не думают. Есть государственные органы, власть. Пусть они и занимаются. Им за это деньги платят, это их ответственность. Я недавно читала в газете, что детям из неблагополучных семей выделили на летний отдых семь миллионов рублей. Такие деньги! (житель Баргузина, 39 лет).

(2) Ни в каких общественных мероприятиях [жители Шанхая] не участвуют. Все, что для них администрация, школа, социальные службы делают, для детей, они в этом не хотят участвовать. Если что-то делаем, то сами всех собираем и организуем. Только так. Все, как им лучше. Бюджет деньги выделяет. С одной стороны, думаешь, эти бы деньги на другие цели (житель Баргузина, социальный работник, 37 лет) ¹.

И первый, и второй нарратив содержат высокую степень интердискурсивности (смешения различных дискурсов в определенном тексте). Информант № 1, житель Баргузина, определяет распространенную в сообществе тактику: соотнесение двух групп идентичностей — «мы» — «шанхайцы-бандиты», «наши дети» — «их дети (тоже бандиты)».

Дискурс социальной опасности вместе с дискурсом самооправдания, которые разделяет информант («эти бандиты о нас не думают»), подталкивает его отказаться от идентичности «ответственного за чужих детей», передав ее «органам власти». При этом он категоризирует себя как члена группы ([у нас] «у людей», «мы должны»), в конечном счете отказываясь от индивидуальной позиции ([мне] «жалко детей»). Самокатегоризация как участника группы приводит в большей степени к выражению социальной идентичности, нежели индивидуальной, а при выражении социальной идентичности начинают действовать стереотипы.

¹ Повторюсь, выделение жителей Шанхая в качестве «обособленной» группы со своей «манерой поведения» происходит лишь на уровне повседневных практик, отсутствует на уровне публичной социальной политики. Разговор «о Шанхае» начался с моего собственного посыла.

В итоге, подавляя гражданский дискурс, идентичность «ответственного лица», включенного в проблему, информант апеллирует к «финансовой стороне дела» («такие [большие] деньги дают «им», а не «нам»). Нарратив (1) так или иначе воспроизводит некоторые рыночные дискурсы, в частности, дискурс личной ответственности за свои проблемы, дискурс «обычного человека в зверином капиталистическом мире». Второй нарратив показателен в отношении того, как изменяется дискурс сотрудников социальных служб. Институциональные дискурсы — социальной ответственности и социальной полезности — артикулируются с бытовыми дискурсами сообщества. Вначале дискурс социальной ответственности артикулируется с пессимистическим дискурсом осуждения жителей Шанхая («ничего не хотят, ни в чем не участвуют»). Эта комбинация ставит под сомнение институциональную аксиому — социальные службы должны оказывать содействие всем, кто в нем нуждается вне зависимости от степени участия в этом процессе самих адресатов. Результат — появление второй комбинации: дискурс социальной полезности артикулируется с довольно циничным дискурсом социальной нерентабельности («эти бы деньги на другие цели»).

Таким образом, дискурсы, созданные на уровне повседневности, видоизменяют институциональные дискурсы. Борьба на дискурсивном уровне вносит вклад в изменение и воспроизводство социальной реальности — социальные службы начинают действовать по-другому.

Социальная область — «дети Шанхая», которую мы определили в качестве порядка дискурса, кажется практически не восприимчивой к «положительным» изменениям. Внутри нее нет существенной конкуренции дискурсов, а гегемонное значение — «опасность» — со временем лишь натурализуется, стимулируя отстранение рядовых жителей от «опасного» микрорайона. Казавшиеся незыблемыми институциональные дискурсы социальной политики также видоизменяются под воздействием части бытовых дискурсов, воспроизводящихся в сообществе. Процессы социального и культурного дистанцирования между выделенными сообществами лишь усиливаются, развивается социальное исключение. Но Шанхай «не обнести забором», местные жители двухэтажных домов так или иначе являются частью поселкового сообщества. Основания социального культурного дистанцирования — соответствующие различия между группами нужно нивелировать. Учитывая, что многие из них имеют дискурсивное происхождение, необходимо (в первую очередь социальным службам, СМИ) работать с дискурсами, «реформировать» дискурсивное пространство, перемещать «проблемы» с повседневного уровня на уровень социальной политики.

Перед предстоящими выборами главы поселковой администрации один из довольно авторитетных кандидатов вынес в публичное пространство поселка идею о восстановлении поврежденных квартир, располагающихся в шанхайских двухэтажках. Молодым семьям по-прежнему негде жить. Реализация идеи, уже воплощенной сорок лет назад, сегодня все-таки под вопросом. При этом кажется очевидным итог кампании — ситуация с Шанхаем не изменится к лучшему. С течением времени этот микрорайон все более обособляется, образуется некий анклав бедности и криминала. Району приписываются всевозможные ярлыки неблагополучности. Дистанция между сообществом и жителями Шанхая только увеличивается. И тем, и другим, как представляется, это не сулит ничего хорошего. Возможен ли окончательный разрыв, столкновение? Об этом не думают, но все в один момент может изменить случай.

Социальное исключение детей Шанхая — явление для поселка заметное, но, пожалуй, невидимое. Дистанция между жителями микрорайона и «остальным» сообществом подчас заменяет реалистичность проблем иллюзией благополучия. Дети Шанхая оказываются где-то в стороне и слышимы лишь иногда — в сетованиях и оправданиях местных жителей.

Список литературы

Аналитическая справка к отчету о работе Комиссии по делам несовершеннолетних и защиты их прав Баргузинского района за 2007 год (подготовила Л. Х. Цыдыпова). Баргузин, 2007.

Астоянц М. С. Политический дискурс о сиротстве в советский и постсоветский период: социальная интеграция или социальное исключение? // Журнал исследований социальной политики. Том 4. 2006. № 4. С. 475–500.

Астоянц М. С. Социальная эксклюзия в современном российском обществе: социокультурный анализ. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2007.

Баргузинская правда. 2008. 30 июня.

Богданова Е. А. Антропология деревенской двухэтажки, или К вопросу о неудавшихся проектах власти // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. Вып. 5. М., 2006. С. 351–366.

Бреславский А. Баргузин: «контракт равнодушия» // Байкальская Сибирь. Предисловие 21-го века: Альманах-исследование / Под ред. М. Я. Рожанского. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2007. С. 279–286.

Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Н. А. Шматко; Сост., общ. ред. и предислов. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

Волков В. В. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 2. 1999. № 3. С. 80–86.

Информационно-аналитический материал Отдела социальной защиты населения по Баргузинскому району в преодолении семейного и детского благополучия. Баргузин, 2006.

Barth F. Boundaries and connections – Signifying Identities. L.; N. Y.: Routledge, 2000. P. 17–36.

Анатолий Сергеевич Бреславский
студент факультета экономики и управления
Бурятского государственного университета
электронная почта: anabres05@mail.ru
